

Диагноз

Стихи меня всё душат,
Всё душу мне грызут.
Внутри меня всё кружат,
Наружу не идут.

Что с ними делать, доктор,
Ведь тошно мне от них?!
А доктор (он был добрый)
Сказал: «Читай других».

Бери, сказал, нетленку.
Помогут Пушкин, Фет,
А на ночь — Евтушенко,
У них побочки нет.

О, не была ты горькой,
лирическая смесь!
Я поняла, насколько
Люблю свою болезнь.

Я, как в лесу, бродила
меж смыслов, ритмов, снов,
Стихи не шли, но сила,
копилась для стихов.

И вот однажды снова
я к доктору пришла.
Свой сборник положила
ему на край стола.

Ах, доктор, это радость —
слагать слова и свет.
И врач в строке «диагноз»
Мне написал: «Поэт».

Мечта

Пить кофе на ходу — дурацкая привычка.
Среда и суета, маршрут: «Работа — дом»,
Весна ведёт себя, как истеричка,
Бросаясь мокрым снегом и дождём.

Гремят усталые маршрутки на дороге,
Бетонно-серый день повис, как пелена,
А я хочу гулять под звёздами Ван Гога,
Держа в руке цветок или бокал вина.

Пусть это будет где-нибудь во Франции,
Пусть светят фонари и скрипка душу рвёт,
Пьяняще пахнет белая акация,
Она сейчас, должно быть, там цветёт.

Идти легко, как облаков, касаться
Ногами в туфельках мощёной мостовой,
И ничего на свете не бояться...
А рядом ты — смешной и молодой.

Но не спастись от злого неюта,
Не одолеть простуду и долги,
Дни копятя, как грязная посуда,
И под глазами тёмные круги.

Да, надо быть терпимей и мудрее,
И быть сильнее этой маеты.
Блажен, кто верует, а значит буду верить,
Идя к мечте, спасаясь от мечты.

Коронавирус, уходи!

В цветочном магазине вянут розы,
Закрыты школы, фитнес, общепит...
Сосед-алкаш опять сидит без дозы —
Стал недоступным муравьиный спирт.

Старушке волонтер привёз продукты,
лекарства и стиральный порошок.
В автобусе скучающий кондуктор
Закашлял как-то вдруг нехорошо.

А в сквере городском скучают птицы,
И ждут детей с пригоршнями крупы,
Прохожие с «заплатками» на лицах —
Безлики, на эмоции скупы.

Я простыню перевела на маски,
И в сумочке ношу хлоргексидин.
Я выхожу на улицу с опаской...
Привет, весна, у нас тут карантин!

Пришёл апрель, не нарушая график,
Наперекор дурацким ОРВИ,
От силы солнца, вирус, сгинешь нафиг,
От силы духа и ещё любви.

КОВИД — уйди! Всё это — злая сказка!
Урок усвоен, хватит бить под дых.
Теперь верни нам прежний мир без масок,
В котором так легко обнять родных.

Шкаф

Как-то баба Маша свой открыла шкаф,
И оттуда выпорхнул лёгкий синий шарф,

И ещё нашёлся настоящий клад —
Сумочка и шляпка, на которой бант.

Шкаф у бабы Маши знаете какой?
Строгий, необъятный, с тихой глубиной.

Он — машина времени, странное бюро,
Что порой такое выдаёт добро!

Чаще-то, конечно, всякое старьё,
Штопаннные кофты, серое бельё...

Вдруг из недр тёмных явятся на свет —
Маленькие туфли, бархатный жакет,

Шёлковая блузка, парочка платков
С тонким ароматом плесени и снов.

Что это? Откуда? Некому сказать.
Долго любоваться, снова в шкаф убраться.

Утром к бабе Маше приходила врач,
И сказала: «Пенсию больше в шкаф не прячь».

И дала таблетки, чтобы лучше спать,
И ещё сказала: «Не сдавайся, мать».

А потом явился внук, а может, сын,
Баба Маша помнила, он у ней один.

Он в шкафу копался, дверцы распластав,
На полу валялся лёгкий синий шарф.

Шкаф стонал и вздрагивал, тикали часы,
Нервничал, ругался внук, а может, сын.

А потом затихло. Тишина и свет.
Сумочка и шляпка, бархатный жакет,

Золотые волосы и летящий шаг,
Заперто плохое в старый, тёмный шкаф.

Солнечная улица, чьи-то голоса,
И его улыбка, и его глаза.

Он сказал ей: «Вместе будем до седин,
И у нас родится лучший в мире сын».

И на сердце Маши — только благодать,
И уже не страшно жить и умирать.